

Хэ Е, конечно, понял намёк. — Мне неинтересно это обсуждать.

— Как будто мне интересно. Ты в моём кабинете завёл себе гостиницу, а я, по-твоему, слишком придираюсь?

Видя, что Чжоу Синьи не унимается, Хэ Е холодно оборвал его:

— Прошу вести себя уважительно.

— Уважительно? — Чжоу Синьи горько усмехнулся. — Мэньюй не прошло и недели, а ты уже обнимаешься с этой девчонкой. У тебя совесть есть?

Хэ Е от злости онемел. Чжан Жань, не выдержав, бросилась вперёд:

— Не смей оскорблять Хэ Е! Это я его люблю, он тут ни при чём!

— Ты его любишь?! — Чжоу Синьи остолбенел, и в нём вспыхнула ярость. Он с гневом уставился на Хэ Е.

Тот тоже не ожидал таких слов от Чжан Жань и не знал, что ответить.

— Все скорбят о Мэньюй, — продолжала девушка, — но живым нужно жить дальше. Я буду с Хэ Е и помогу ему пережить это.

— С чего это ты? — с презрением бросил Чжоу Синьи. — Ты считаешь себя достойной быть с ним?

— Я буду с ним, и что ты сделаешь? Хочешь, чтобы он одиноким остался?

— Да! Хочу, чтобы он был одинок, как и я!

Чжан Жань, закипев, выкрикнула:

— Таким, как ты, и надо вечно прозябать в темноте, оплакивая ту, что тебя предала! Ты недостоин любви, ты—

Хлоп!

Пощёчина прервала её крик. Чжан Жань схватилась за покрасневшую щеку, глядя на Хуан Гана, который её ударил.

Хэ Е мгновенно отвёл её за себя. — Бьёшь женщину? Ты мужчина вообще?

— Мне плевать, мужчина она или нет! Кто посмеет оскорбить Синьи при мне, того я в гроб вгоно!

Чжоу Синьи кашлянул, привлекая внимание. Казалось, после этой вспышки он немного остыл и вернул себе обычную сдержанность.

— Как бы то ни было, Хэ Е, — серьёзно произнёс он, — я хочу, чтобы ты навсегда запомнил, как умерла Мэньюй.

— Не тебе меня об этом напоминать! — Хэ Е, и без того взвинченный, окончательно вышел из себя.

Чжоу Синьши вдруг схватил его за запястье:

— Я буду напоминать! Ты в долгу за эту жизнь и не смей даже думать быть с кем-то другим!

Хэ Е не выдержал, резко дёрнулся и вырвался. — Я сказал, не напоминай! — Затем, взяв себя в руки, добавил:

— Мои семейные дела не касаются господина Чжоу. Мои чувства к покойной жене посторонним не понять.

— Покойная жена... — тихо повторил Чжоу Синьши. Он знал, что только Хэ Е имеет право так называть Лян Мэньюй, но смириться с этим было мучительно.

Сердце Чжан Жань сжалось от боли. Она осторожно подошла к Хэ Е и спросила:

— Её больше нет... Ты и правда будешь один всю жизнь?

— Любимая жена ушла, — твёрдо ответил Хэ Е. — И Хэ Е будет одинок до конца своих дней.

— Одиноким будешь не только ты, — вступил Хуан Ган, глядя на Чжоу Синьши. — Я знаю, Синьши тоже больше никого не будет.

По лицу Чжан Жань потекли слёзы. — С чего ты взял, что можешь требовать от Хэ Е того же, что от себя? Почему заставляешь его давать такие клятвы?

Хуан Ган резко изменился в лице, готовый разразиться бранью, но Чжоу Синьши похлопал его по плечу, слегка покачав головой. Для Чжоу Синьши было важно лишь то, что Хэ Е не питал чувств к Чжан Жань. Ссориться с девчонкой он не собирался. Получив обещание Хэ Е, он почувствовал облегчение.

После этого обещания фарс подошёл к концу. Под пристальным взглядом Чжоу Синьши Хэ Е вывел Чжан Жань из кабинета и покинул дом семьи Чжоу.

Когда в комнате остались лишь они вдвоём, Чжоу Синьши тяжело вздохнул и рухнул в кресло, словно сбросив тяжкий груз.

— Похоже, впредь с Хэ Е нужно быть осторожнее, — закрыв глаза, медленно проговорил он. — Никогда не угадаешь, какой метод он выберет в следующий раз.

Хуан Ган кивнул:

— Этот раунд мы прошли, но Хэ Е вряд ли сдастся.

Чжоу Синьши, казалось, вспомнил нечто важное. Он открыл глаза, и лицо его стало суровым. — До суда нужно любой ценой заставить его отказаться. Иначе, если отец узнает, он, чего доброго, поступит по справедливости.

Хотя он так говорил, при упоминании отца в голосе Чжоу Синьши звучало больше почтения, чем страха.

Хуан Ган, зная характер старика Чжоу, понимал, что слова не пусты.

Видя мрачное выражение на лице друга, Чжоу Синьши успокоил его:

— Но я уже нашёл слабое место.

Хуан Ган вопросительно посмотрел, но тот вместо ответа спросил:

— Чжан Жань оправилась так быстро, значит, очнулась она давно. Почему же Хэ Е взялся за дело только сейчас?

Хуан Ган задумался:

— Может, Мэньюй ему мешала?

— Нет, — Чжоу Синьи сразу отмёл догадку. — Характер Мэньюй я знаю. Она не позволила бы ему переступить через принципы. Да и он не настолько эгоистичен.

— Откуда ты знаешь? Может, он просто пытался угодить ей, откладывая дело? — с любопытством спросил Хуан Ган.

Чжоу Синьи на мгновение задумался. — Чувство такое.

Почему-то он безусловно верил, что Хэ Е — человек высокой морали.

Затем он продолжил свой анализ:

— Думаю, Чжан Жань, возможно, и не хотела подавать в суд, пока была в сознании. Но после смерти Мэньюй, возненавидев нас и пожалев Хэ Е, а может, желая остаться с ним, она сама попросила о помощи.

— А не думал, что это Хэ Е мог подстрекнуть её, чтобы отомстить тебе?

Чжоу Синьи резко отверг эту мысль:

— Он не такой. — Затем он усмехнулся:

— Надеюсь, мой анализ верен. Иметь дело с благородным человеком всё же проще, чем с подлецом.

Хуан Ган вздохнул. Хотя он и не вполне разделял мнение Чжоу Синьи, но, доверяя ему, был готов следовать за ним.

— Итак, слабое место — это Чжан Жань, — подвёл итог Чжоу Синьи.

Хуан Ган кивнул, запоминая сказанное. Глядя на спокойное, расчётливое лицо друга, он невольно заметил:

— Ты всё ещё не пьёшь? Не глушишь боль, а трезво всё это выносишь — и муку, и тоску.

Чжоу Синьи вздрогнул и машинально кивнул.

— Может, ты сам не замечаешь, — продолжил Хуан Ган, — но в последнее время ты спокоен, как вода в лесном ручье. Брось камень — хоть рябь будет. А ты — ни злости, ни досады, будто тебе вовсе всё равно. Печально это видеть. Но стоит ему появиться — и все эти дни, все подавленные чувства разом вырываются наружу.

«Он», конечно, был Хэ Е.

В воздухе повисла тягостная тишина. Чтобы разрядить обстановку, Хуан Ган наклонился к Чжоу Синьи и с хитрой ухмылкой шепнул на ухо:

— Жаль, знаешь ли.

— Что?

— Что не успел тогда с Чжан Жань развлечься! Девчонка молодая, а формы уже такие соблазнительные!

Чжоу Синьи с лёгкой усмешкой толкнул его, и оба рассмеялись.

Ночь. Комната погружена во тьму, лишь лунный свет, пробиваясь сквозь окно, отбрасывал призрачные блики. В доме стояла гробовая тишина.

С тех пор как Хэ Е освободил свою городскую квартиру, чтобы заняться делом о двухлетней давности, он временно поселился у Чжан Жань. Так было удобнее для работы, да и духу не было искать новое жильё. Да и если бы семья Чжоу вздумала создать проблемы, они могли бы поддержать друг друга.

Деревенский воздух был куда свежее городского, а ночью становился и вовсе ледяным. Каждый раз, глядя на мерцающие за окном звёзды, Хэ Е чувствовал, как тоска сжимает сердце ещё сильнее.

Как обычно, он сидел на кровати до глубокой ночи, прислонившись к стене, не в силах сомкнуть глаз. Лёгкий массаж висков не помогал. Взглянув на часы, он увидел, что уже за три. Собираясь наконец лечь, он вдруг услышал за дверью прерывистый, нерешительный стук. Удивлённый, он поднялся и подошёл к двери.

Открыв её, он увидел на пороге заплаканную Чжан Жань.

— Хэ Е... можно мне войти? — прошептала она, стоя в дверном проёме. Глаза её были красны и опухши — явно плакала. Хэ Е помедлил, затем мягко, но твёрдо ответил:

— Сейчас слишком поздно. Если кто увидит — дурная молва пойдёт.

<http://bllate.org/book/15947/1425522>